Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 20 (742)

ОГОНЕК

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 13 ИЮЛЯ 1941 ГОДА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

4-я НЕДЕЛЯ СВЯЩЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Конец воздушного бандита.

Рисунок Мих. Милославского и С. Расторгуева.

НА ФРОНТАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Герой Советского Союза С. И. Здоровцев.

Герой Советского Союза М. П. Жуков.

Герой Советского Союза П. Т. Харитонов.

Президиум Верховного Совета Союза ССР присвоил звание Героя Советского Союза славным сталинским соколам С. И. Здоровцеву, М. П. Жукову и П. Т. Харитонову за отвагу и доблесть, проявленные на фронте борьбы с германским фашизмом.

Танковый десант на марше.

Фото М. Бернштейна.

Старший политрук Р. М. Вайсман, вместе со своим экипажем отлично бомбивший противника.

Фото М. Калашникова.

Орудие младшего сержанта В. Федоркова на огневой позиции.

Фото Д. Минскера.

Младший лейтенант А. Герасименко читает бойцам сообщение Советского информбюро.

Политрук тов. К. Касумов с группой бойцов своего подразделения под ураганным огнем фашистов взорвал три моста, помешав врагу пробраться на советскую землю. На снимке (справа налево): политрук Касумов и бойцы Маркуца, Христиченков, Бухтиаров и Цедин.

Фото Г. Зельма (ТАСС).

В районе реки Н отважные танкисты, бросившись в атаку, стремительным ударом отогнали врага. На снимке: участники атаки, первые вступившие в бой с врагом, командиры взводов лейтенанты П. Карасев (слева) и Ю. Панфилов.

Фото В. Иванова (ТАСС).

Немецкий бомбардировщик, сбитый Н-ской частью Красной Армии.

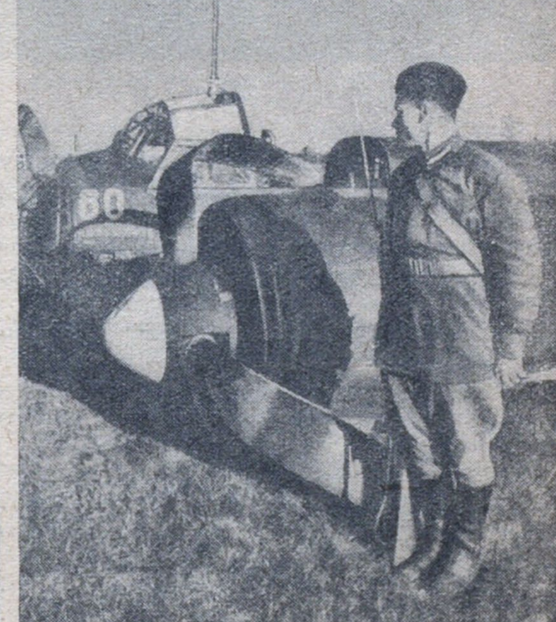
Фото В. Темина.

У сбитого немецкого бомбардировщика. Трудящиеся приветствуют бойцов Красной Армии.

Фото В. Темина.

Летчик комсомолец лейтенант Юрий Цуркан вступил в бой с несколькими немецкими бомбардировщиками. Один бомбардировщик был сбит, остальные позорно бежали. На снимках: слева — летчик Юрий Цуркан; справа — сбитый им фашистский бомбардировщик.

Фото Д. Чернова (ТАСС).

Вот она — «новая Европа»

Рис. Бор. Ефимова.

Остервенелый убийца Гитлер погнал на войну против Советского Союза всех своих вассалов, всю свою наемную челядь. Вместе с ней намеревается он на горах трупов и на дымящихся развалинах построить так называемую «новую Европу».

«Новая Европа» — очередной обман прожженных берлинских бандитов; это — расширенное название гитлеровской «третьей империи», которая должна установить свое господство над всеми народами и странами.

Кто они, эти строители «новой Европы», сообщники и прихлебатели Гитлера? Они все, как один, подобраны из галереи международных уголовных преступников и авантюристов.

Это Бенито Муссолини, дуче итальянского фашизма, с мордой кабана и душой гиены. Бит многократно и нещадно: под Гвадалахарой и в Ливии, в горах Греции и в Абиссинии, на земле, на море и в воздухе. Начал с цезарских имперских планов, а теперь, спасая свою исполосованную шкуру, отдал Италию под господство своего союзника и хозяина Гитлера.

Это Карл Густав Маннергейм, крупный помещик, русский белогвардеец и финский фельдмаршал, весь в бинтах и повязках от сокрушительных ударов, которые еще не так давно нанесла белофинским бандитам доблестная Красная Армия. Удары, видно, пришлись по вкусу: Маннергейму захотелось повторения. Он получит полной мерой.

Это безвестный доселе словацкий политический прохвост Тисо из породы мелких хищников, которые следуют по пятам за крупными, надеясь, если не получат пинок ногой, урвать хоть малюсенький клочок добычи.

Это сухопутный адмирал-вешатель Хорти. Два десятилетия уже плавает он в море пролитой им крови венгерского народа.

Это свирепый палач румынского народа генерал Антонеску, специалист по массовым погромам и убийствам.

Эти «фюреры» фашистских Италии, Финляндии Словакии, Венгрии, Румынии являются холопами даже не Гитлера, а германских генералов, которые командуют оккупационными войсками в этих странах. Гитлеровские комендатуры и гестапо гонят на убой во имя «новой Европы» итальянских, финских, словацких, венгерских, румынских рабочих и крестьян — порабощенных, терроризованных, голодных.

Где-то сбоку, покорно и заискивающе поглядывая на берлинского обер-палача Гитлера, примостилась вишийская болонка, принюхиваясь к остальным участникам фашистской своры. Не везет вишийским лизоблюдам Гитлера!

Они пытались вербовать «добровольцев» для участия в войне против СССР, но эти жалкие потуги натолкнулись на презрение и ненависть французского народа к немецко-французским гитлеровцам.

Л. ВОЛЫНСКИЙ

ВЕСЬ МИР ПРОТИВ ГИТЛЕРА И ЕГО КЛИКИ

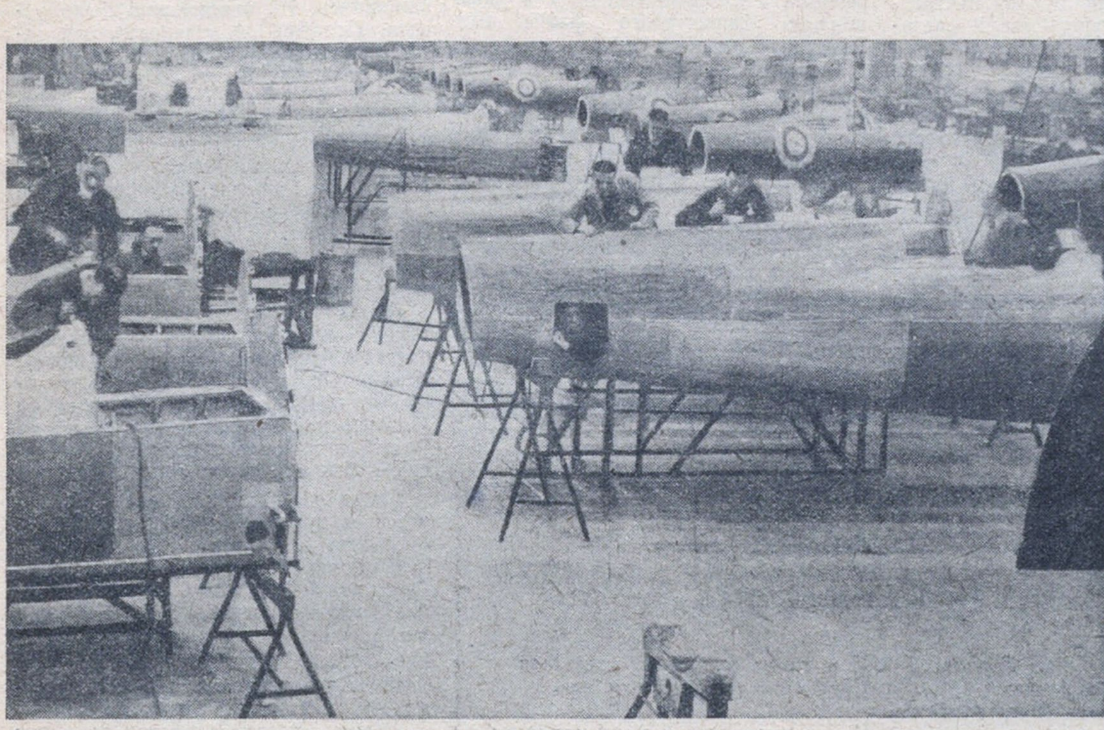
Английский премьер-министр Уинстон Черчилль.

Английский министр иностранных дел Антони Иден.

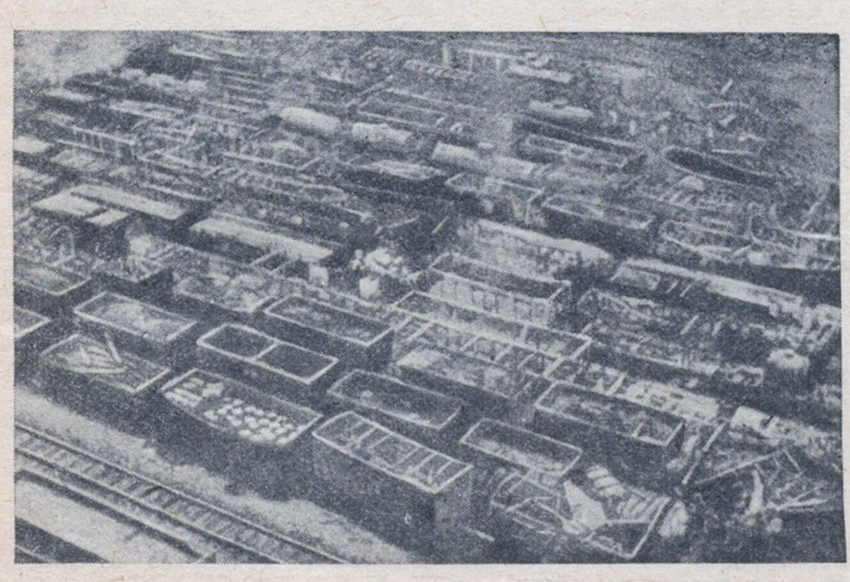
США. В цеху одного из новых танковых заводов.

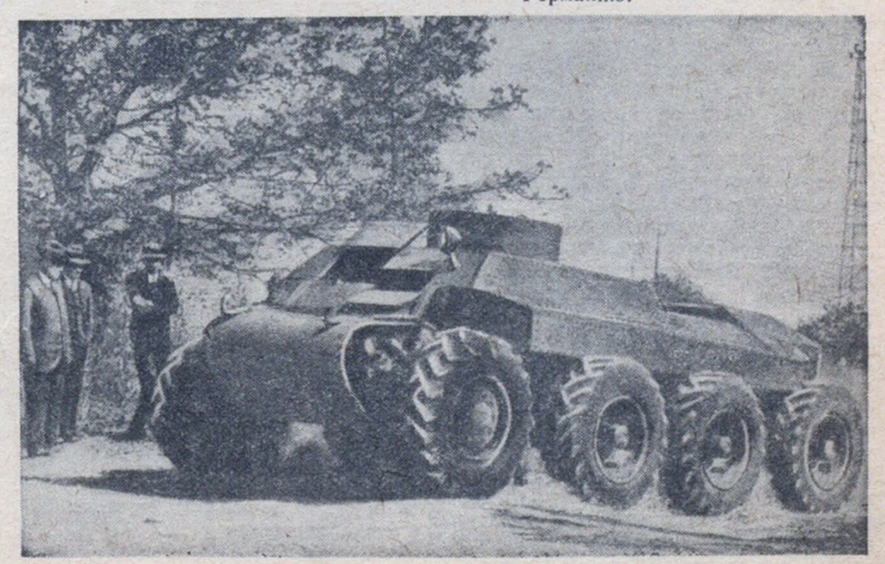
Англия. Массовое производство истребителей.

Англия. Погрузка авиобомб перед рейдом на Германию.

Западная Германия. Крупный железнодорожный узел после налета английской авиации.

США. Новый тип тяжелого танка, поступающего на вооружение американской армии.

В ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

(Из путевых записок)

Евгений Петров

I

Незадолго до вероломного нападения фашистов на Советский Союз мне привелось побывать в Германии.

Уже в вагоне немецкого поезда стало ясно, что Германия совсем непохожа на ту, которую я видел и знал до прихода гитлеровцев к власти. От спального вагона «Митропа» (когда-то они были образцом чистоты и комфорта) осталось одно лишь роскошное название. Потолки купе и коридора превратились из белых в какие-то бурые, обшарпанные. Полированное дерево мебели было в царапинах, пол грязноват. От двери купе отстала длинная металлическая полоска и больно царапала тех, кто имел неосторожность к ней приблизиться. Проводник покачал головой, потрогал полоску пальцем, сделал неудачную попытку справиться с ней при помощи перочинного ножа, потом махнул рукой. Все равно! В заключение проводник обсчитал нас на несколько марок — случай, который едва ли мог произойти в догитлеровской Германии.

И уж совсем никак не могло случиться в старой Германии то, что произошло со мной в приличной берлинской гостинице на Фридрихштрассе. Если бы это случилось с кем-нибудь другим, я ни за что не поверил бы! У меня в номере гостиницы просто-напросто украли колбасу, фунта полтора московской колбасы, и булку, завернутые в бумагу.

На пограничной станции носильщик с нарукавной повязкой, на которой была изображена буква «П» (поляк, существо «низшей расы»), человек в лохмотьях, с истощенным серым лицом и умоляющими глазами (я никогда не забуду этих глаз), хотел поцеловать мне руку, когда я дал ему две марки. Это был раб.

Потом мы видели рабов на всем пути, до самого Берлина. Это были пленные, главным образом французы, в беретах, в красных зуавских шапочках, в когда-то добротных шинелях горохового цвета. Теперь шинели были изодраны и грязны. Пленные рабы делали свою работу медленно, негнущимися, чугунными, ненавидящими руками.

Но вот Берлин. Вокзал Фридрихштрассе. Унтер ден Линден. Бранденбургские ворота. Тиргартен. Знакомые прямые улицы. Они все те же. Монументальные здания. Те же здания (это было за несколько дней до большой английской бомбардировки, разрушившей центр города). Витрины магазинов. В общем те же витрины с дамскими и мужскими модами, сигарами, шляпами, красочными проспектами заокеанских путешествий. Рестораны и пивные. Те же самые рестораны и пивные с мраморными столиками и картонными кружочками для пивных стаканов. Те же полицейские, регулирующие уличное движение. Одним словом, это был старый Берлин. Но первое впечатление длилось буквально несколько минут. Сразу же, как на пластинке, опущенной в сильный раствор проявителя, стали вырисовываться контуры другой, невиданной до сих пор Германии — Германии, схваченной за горло палаческой рукой Гитлера.

На всех улицах, кроме двух—трех главных, валялся мусор. Я не верил своим глазам. Мусор в Берлине! Свежий ветерок бесцеремонно гнал по мостовым целые тучи пыли. Прохожие поминутно протирали глаза. Как в деревне. В магазинах ничего нельзя было купить. Витрины представляли собой наглую, циничную декорацию. За прилавками пустых магазинов уныло стояли старики-хозяева или их жены. Для покупки промтоваров население получает так называемые «пункты», но количество этих пунктов смехотворно мало. Я бодро вошел в хороший табачный магазин с прекрасной витриной, где рекламировались по крайней мере двадцать сортов сигар и сигаретт. Мне молча указали на плакатик: «Товар распродан». На мой вопрос, когда же товар не бывает распродан, хозяин только печально улыбнулся.

В пивных и ресторанах было пусто. Значение этой пустоты я проверил на собственном желудке позже, в Лейпциге, когда в течение целого дня не мог достать ничего съестного, хотя и предъявлял продовольственные карточки. Полицейские и светофоры, регулирующие движение, представляли собой такую же декорацию, как и витрины. На улицах движения почти не было. Лишь изредка пробегала серая малолитражка военного ведомства, тяжело проходил старый берлинский омнибус, отчаянно визжа тормозами на остановках.

Но главное — это люди.

Сколько понадобилось Гитлеру издевательств и поборов, как превосходно удалось отрегулировать систематическое многолетнее недоедание (на грани голода), как сильно завинтить пресс духовного удушения, чтобы превратить веселую, общительную берлинскую толпу в этих безмолвных одиночек, уныло бредущих по улицам. Вы никогда не увидите в Берлине не то что толпы, но даже трех — четырех оживленно разговаривающих людей. Исчезли компании. Исчезла видимая связь между людьми. Людей нет. Есть человеки. И каждый замкнут в самом себе. По улицам идут несгораемые шкафы мыслей и чувств. И кажется, что шифр от этих шкафов, ключи к ним утеряны навеки.

К счастью, я ошибался. Ключи не были утеряны. Люди как-то общались. И не только общались, но даже красноречиво высказывали свое общественное мнение.

В один из первых же дней я попал вечером в кинотеатр. Шла документальная картина о разгроме Франции «Победа на Западе». Картина лживая, но эффектная. По замыслу режиссеров, в ней было много мест, предназначенных для оваций: захваты городов, подписание Гитлером перемирия в Компьенском лесу и даже подъем фашистского флага над Эйфелевой башней.

Большой зал кинотеатра на Потсдамской площади был переполнен, не меньше трети зрительного зала составляли военные. Но я не услышал не только оваций, не только аплодисментов: я не услышал ни одного хлопка. Ни одного хлопка за всю картину! Это была явная демонстрация. Досмотрев картину до конца, люди молча разошлись. Тяжелые дверцы снова захлопнулись. Люди снова превратились в одиночек.

Наблюдал я еще один раз такое внезапное, но, несомненно, более сильное раскрытие людей в Лейпциге, на так называемой международной ярмарке. Не буду распространяться об этой странной ярмарке, устроенной по такому же принципу, по какому были устроены берлинские витрины или регулировалось берлинское движение. Но там был Советский павильон. И одиночки пришли со всего города, чтобы, очутившись в Советском павильоне, образовать там толпу.

Советское правительство честно выполняло свои обязательства по советско-германскому договору и, как солидный экспортер, выставило на ярмарке свои экспортные товары.

Я никогда не забуду того, что видел. Люди сразу же, не глядя на другие павильоны, шли к советскому. Они осматривали каждый экспонат по нескольку раз. К альбомам с фотографиями строительства в Советском Союзе невозможно было пробиться. В торговле все это можно было назвать громадным успехом. В политике — громадным явлением. Люди оживились. Их невозможно было узнать. Позабыв об опасности, они заговаривали друг с другом, делились впечатлениями. Возле большой книги отзывов в течение всех семи ярмарочных дней толпились люди. И многие из них смело шли на поступок большого гражданского мужества: делали свои записи, прекрасно зная о том, что ярмарка наводнена шпиками гестапо.

Вот несколько взятых наудачу записей:

«Ваша выставка может вызвать только восхищение. Я поражаюсь богатством Вашей страны и желаю Вашему народу и делу впредь такого же процветания. Я сам с самой Октябрьской революции стою на Вашей стороне и постоянно интересуюсь благополучием Вашей страны».

«Ваша выставка поможет многим рассеять туман и ложь немецкой информации о России».

«Мы все в восторге от выставки Советского Союза, но не каждый из нас решается написать в книгу свои впечатления. Это сейчас очень опасно».

«Все, что говорили о России раньше,—ерунда и ложь».

«Мы в восторге от всего того, что видели. Большего я не смею сказать».

«Вы должны быть благодарны Ленину за Вашу настоящую жизнь».

Мне запомнился один старый человек, очевидно интеллигент. Минут двадцать ходил он вокруг книги впечатлений, не решаясь сделать запись. Он снова уходил к экспонатам, снова возвращался. Он, несомненно, испытывал величайшие мучения. И вдруг решился. Ни на кого не глядя, с бледным твердым лицом, подошел прямо к книге и сделал запись. Подумал. Промокнул. Поставил точку. Расписался. Снова промокнул. И, гордо подняв голову, вышел из павильона. Я посмотрел его запись. Она была восторженная.

Да. Такие люди есть в Германии. И их немало. Мы должны помнить о них. Но еще больше должны мы помнить о звериной харе германского фашизма, ни на секунду не забывая, с каким садистически-кровожадным, отчаянным, вооруженным до зубов врагом столкнулся сейчас наш мирный по духу, но великий и страшный в гневе народ.

ПОГЛЯДИ НА КАРТУ

Я. Хелемский

Погляди на карту. Вот Европа,
Гитлером зажатая в тиски.
Вслушайся в многоязыкий ропот —
Это голос гнева и тоски!

Вот суда грядущего улики,
Диких орд жестокие следы —
Черные развалины Герники,
Фландрии сожженные сады.

Вот Париж. Он продан за бесценок,
Словно хлам, не стоивший и су.
Мир не знал еще гнуснее сцены,
Чем в Компьенском сумрачном лесу.

По Афинам ходят солдафоны.
Хочется сержанту пофорсить,
Может он о мрамор Парфенона
Жеваный окурок погасить.

В старой Праге, фюреру в утеху,
Офицеры, сидя в кабаке,
Говорить приказывают чеху
Только на немецком языке.

Отбирают уголь и пшеницу,
Медные тазы, окорока.
И в дома печальные стучится
Голода костлявая рука.

Только всюду закрома иссякли,
Вышел уголь и огонь погас.
И в конце кровавого спектакля
Гитлер устремляется на нас.

Как и там, хотят в дыму пожарищ
Наше счастье удушить враги.
Что же! Мы заплатим им, товарищ,
Сразу — за себя и за других!

Нас нельзя сковать и онемечить!
Жрать наш хлеб убийце не дадим!
Наш народ историей отмечен:
Несгибаем и непобедим!

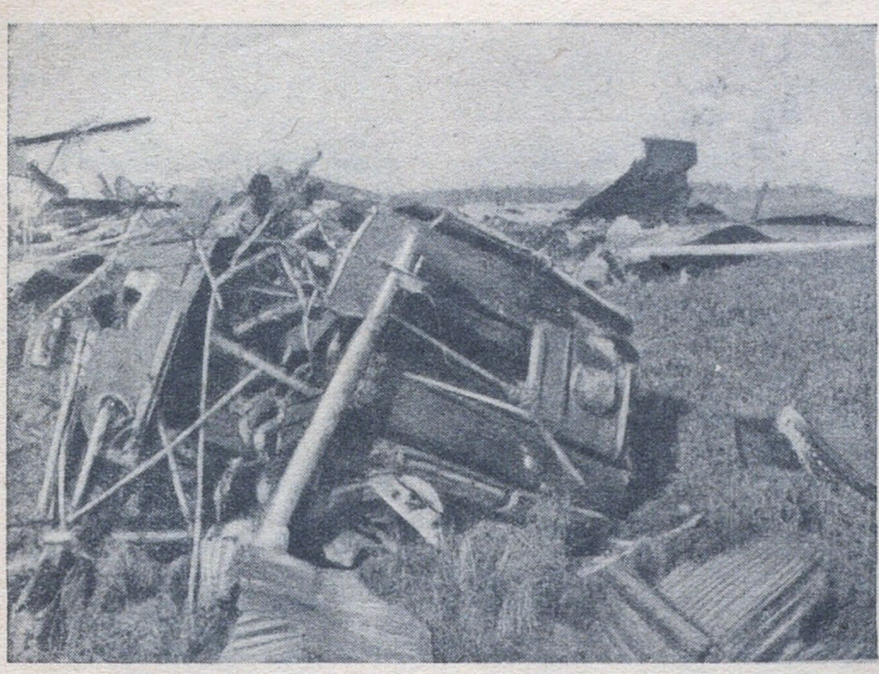
Мы, кто прочно слиты воедино,
Чья чиста и благородна цель,
Русские, украинцы, грузины, —
Мы надежда попранных земель.

Ведь не сдались, хоть познали горе,
Боевой не растеряли пыл —
Сербии суровые нагорья,
Яростные камни Фермопил.

Оживут развалины Мадрида,
Франции бесплодные поля,
Вздыбится, снарядами изрыта,
Ранами покрытая земля.

Здесь финал. И не спасется Гитлер.
Людоеды будут сожжены
Пламенем всеевропейской битвы,
Справедливой и святой войны.

Некоторые результаты «молниеносной» войны

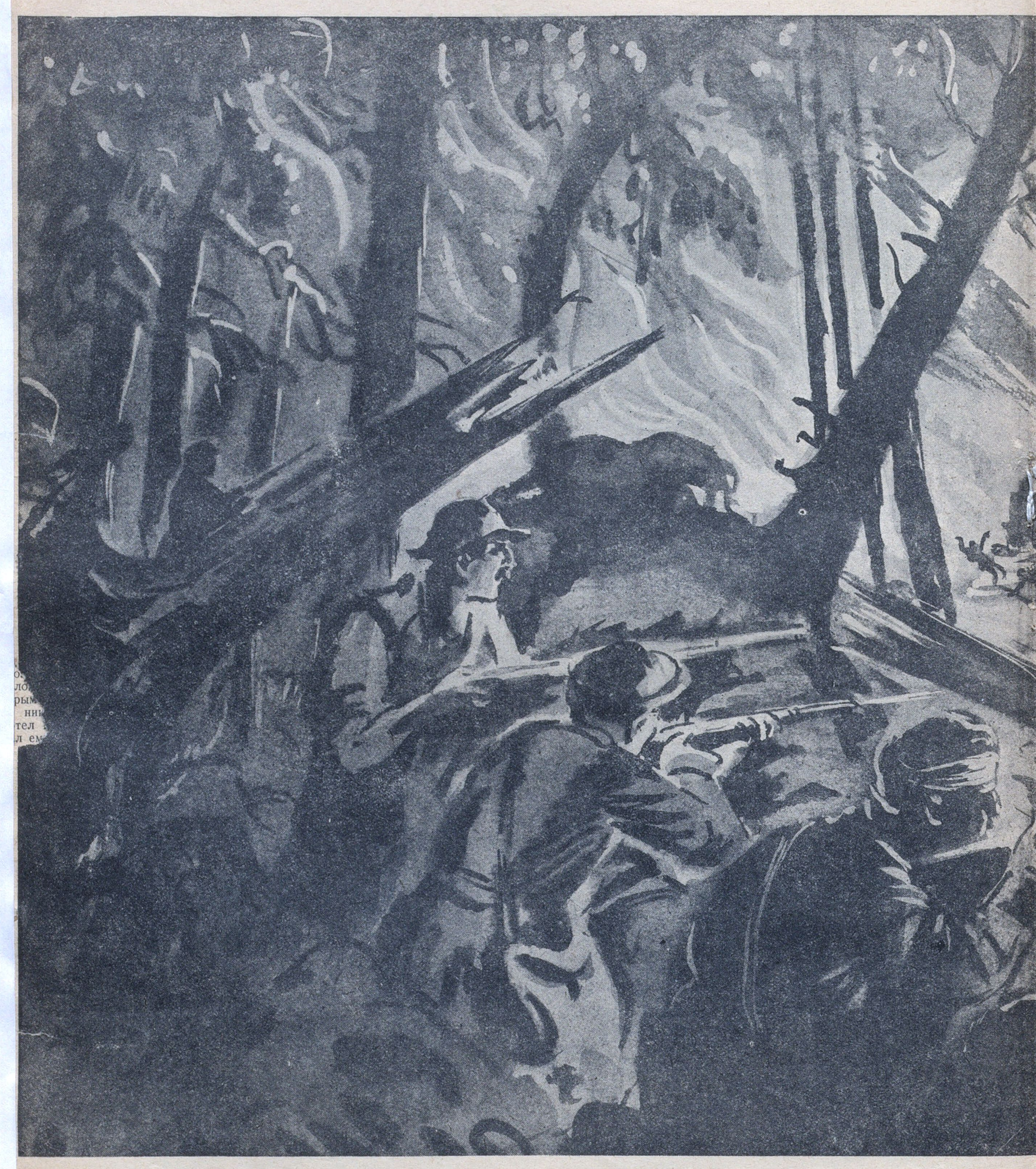
Обломки сбитого фашистского самолета.

Фашистские летчики, взятые в плен нашими частями.

Советские пограничники ведут группу пленных фашистских солдат и офицеров.

Снимки спец. корреспондентов Союзкинохроники.

СЛАВА СОВЕТСКИМ ПАРТИЗАНАМ,

В районах, захваченных фашистскими полчищами, каждый день возникают новые партизанские отряды. Мужественные советские патриоты наносят жестокие удары ненавистному врагу.

Художница Т. Маврина запечатлела на помещаемом рисунке момент налета партизанского отряда на вражеский состав.

Фашистский поезд, груженый боеприпасами, направлялся на фронт. Узкоколейная дорога проходила через лес. На пути движения состава появились дым и пламя. Лес горел. Поезд набрал скорость. Фашисты хотели проскочить, но в самом пекле пожара поезд вынужден был остановиться. Могучие, объятые пламенем деревья лежали на рельсах.

ГРОМЯЩИМ ФАШИСТСКОЕ ЗВЕРЬЕ!

Охрана поезда бросилась расчищать путь. Но она была уничтожена пулеметным огнем и меткими выстрелами из дробовиков. Фашистские головорезы не получили ожидаемых боеприпасов. Охваченный пламенем состав взлетел на воздух. А партизанский отряд благополучно скрылся в лесу, готовясь к новым активным действиям против гитлеровских бандитов. Лютому врагу, вступившему на священную нашу землю, не уйти живым.

Он будет разбит и уничтожен сокрушающими ударами Красной Армии.

Он будет стерт с лица земли.

НЕМАН БЫЛ ЗАВАЛЕН ИХ ТРУПАМИ

ИЗ ЭПОХИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Уже в течение нескольких дней чувствовалось приближение германских войск. Все чаще и чаще появлялись вражеские самолеты над русскими бивуаками. Казачьи разъезды приносили вести о близости германцев, наступавших крайне осторожно.

Осторожность эта была понятна: местность между Гродно, Августовом и Сувалками представляла значительные трудности для наступления: пески, многочисленные реки, озера и болота; цепи холмов давали прекрасные опорные пункты.

10 сентября казачьи пикеты поймали первых германских разведчиков — самокатчиков, переодетых в форму русских солдат.

12 сентября с утра шел мелкий дождь. В холодном, сером рассвете тихо передвигались русские войска, ехала артиллерия, проносились штабные автомобили. Со стороны Друскеник гремели германские пушки.

Вдруг среди продолжительного и тревожного ожидания послышалась ружейная перестрелка: немецкие войска натолкнулись на русский авангард.

Медленно разгорался бой. Все сильнее и сильнее гремела тяжелая германская артиллерия. Широкой полосой ложились снаряды на болотистом лугу между деревнями Чертыжем и Новинками, глубокими воронками покрывая скаты, где в окопах притаились русские солдаты, поджидавшие врага.

Германцы медлили с атакой. Они ждали результатов своего артиллерийского огня. Ночь прошла сравнительно спокойно, хотя еще долго гремели германские пушки и трещала ружейная перестрелка. Перед фронтом немецких войск стояло огромное зарево. Горела деревня Новинки, подожженная огнем неприятельской артиллерии.

На другой день с утра передовые части германских войск подошли к Неману и стали наводить понтонные мосты. Кругом царила тишина.

Внезапно все наполнилось бешеным грохотом артиллерии. Это русские пушки—прекрасно замаскированные—засыпали немцев шрапнелью. До шести часов вечера не умолкало сражение. Немецкая пехота, поддерживаемая огнем своей артиллерии, неоднократно пыталась перейти на другой берег Немана и каждый раз терпела тяжелое поражение: ни один немецкий солдат не возвращался назад. Мертвые тела их скатывались в мутные воды Немана.

В 6 часов вечера немцы сделали последнюю отчаянную попытку переправиться через Неман. Густые ряды немецкой пехоты двинулись к понтонным мостам. Русские войска подпустили их на самое близкое расстояние и смели страшным огнем своих немногочисленных пулеметов. Батареи противника, подавленные меткостью русских батарей, постепенно начали умолкать.

Немцы поспешно отошли на 12 километров. Казачьи отряды, воспользовавшись немецкими понтонами, перешли на другой берег Немана и начали преследование противника.

Потери германцев были колоссальны. Неман был завален их трупами. Густой черной массой плыли они через Ковно к Мемелю.

Первые выстрелы немецкой артиллерии всполошили население Друскеник. Наскоро захватив самое необходимое, жители бросились на станцию. Часть беженцев направилась пешком по дороге, ведущей к Поречью. Немецкая артиллерия открыла огонь по убегавшим мирным жителям.

Со стороны немцев в этих боях сражалось не менее трех корпусов, подкрепленных переброшенными частями с французского и бельгийского театров войны. Все попытки этих отборных войск разбились о стойкость русских солдат.

15 сентября германские части под натиском русских войск отступили, но, отступая, они еще раз подвергли сильнейшей бомбардировке полуразрушенный город.

Неприятельская артиллерия, желая преградить путь наступавшей русской пехоте, сыпала снаряды непрерывным потоком. Но ничто уже не могло сломить наступательного порыва русских солдат. Ожесточившись, они рвались вперед, и прославленная легкими победами на французском фронте немецкая пехота уклонялась от штыковых ударов, пытаясь применить подлые и хитрые методы борьбы, которые русские войска очень быстро разгадали.

Против одного русского батальона немцы выкинули белый флаг. Немецкие солдаты стояли неподвижно с поднятыми вверх руками. На хитрость коварного врага командир батальона решил ответить хитростью. Русский батальон сделал несколько стремительных шагов вперед и моментально лег. «Сдававшиеся» немцы внезапно исчезли, а вместо них появились пулеметы, направленные на русских. Белый флаг продолжал реять. Русские не остались в долгу: они первыми открыли пулеметный огонь, ворвались в немецкие окопы и вступили в штыковой бой. Германский батальон был полностью уничтожен.

Русские войска непрерывными атаками гнали германские части, стремившиеся соединиться с группой войск, шедших с севера к крепости Осовец, расположенной в 28—30 километрах от германской границы и прикрывающей железнодорожный мост на реке Бобре.

Германские войска, наступавшие со стороны Лыка, не имели возможности по топографическим условиям местности обойти крепость и вынуждены были вступить с Осовцом в бой.

В течение нескольких дней немцы сосредоточили артиллерию правого фланга к Осовцу, перешли железнодорожную колею до станции Граево и заняли позиции против северного фронта крепости, в 10 километрах от ее фортов.

Первый выстрел был сделан по заречному форту, и после этого в течение нескольких дней продолжалась непрерывная канонада. Орудия не умолкали ни на минуту. Осовец и его окрестности были засыпаны снарядами тяжелой германской артиллерий. По приблизительному подсчету, немцы выпустили по русской крепости 35—40 тысяч снарядов.

Над крепостью нависла дымовая туча. Шрапнельные снаряды рвались в воздухе, фугасные и бризантные снаряды потрясали землю. Ничто не могло сломить стойкости и упорства защитников Осовца: гарнизон крепости с честью выдержал тяжкие испытания и заслужил неувядаемую славу.

Без сна, не успевая принять пищу, доблестные защитники отвечали на огонь германской артиллерии не менее губительным огнем.

На Осовец летели «чемоданы». С возрастающей силой огонь обрушивался то на один, то на другой форт. Страшное шипение снарядов заставляло русских солдат первое время ложиться на землю и следить, куда они упадут. Но потом к ним настолько привыкли, что некоторые смельчаки, рассчитав время между разрывами неприятельских снарядов, бегали за рыбой, которая после каждого выстрела, попавшего в реку, в большом количестве всплывала на поверхность. Многие солдаты спокойно ходили на реку за водой.

Так проходили дни—канонада не прекращалась. В одном из фортов вспыхнул пожар: загорелся пороховой погреб. Комендант форта, несмотря на ранение, кинулся тушить пожар, к нему на помощь поспешили солдаты. Пожар был ликвидирован.

В течение непрекращающейся артиллерийской дуэли защитники крепости предпринимали смелые вылазки с целью разведать силы и расположение германских войск. Было установлено, что впереди германских батарей расположился сильный отряд немецкой пехоты. Командование приняло решение уничтожить отряд. С флангов выдвинулась русская пехота, а полуэскадрон кавалерии, переправившийся через мост на Бобре, ринулся на близ расположенные германские батареи, врезался в неприятельские ряды и, захватив три орудия, погнал германскую артиллерию, пока не достиг неприятельских укреплений.

Германская пехота с пулеметами выдвинулась вперед; в это время с флангов уже заходили русские стрелки.

Продолжая интенсивный обстрел крепости, немцы пытались обойти русские войска. Высланная для этой цели колонна скрытно пробиралась по бездорожью, не подозревая, что за ней неустанно следят русские артиллеристы. Когда вражеская пехота вышла на дорогу, русская артиллерия обрушилась беглым огнем, отрезав путь к отступлению. Немцы бросились в сторону подальше от обстреливаемой дороги и попали в трясину. Через несколько часов к болоту пробрались русские солдаты. Им представилась потрясающая картина. Сотни убитых и раненых немецких солдат были разбросаны по болоту. Живые молили о помощи, но к ним нельзя было подойти. Трясина постепенно засосала остатки немецкого отряда. Удалось спасти лишь сорок человек.

Батареи Осовца продолжали свое дело и наносили немцам урон. Германские войска начали отступление от крепости, бросая все, что могло им помешать. По отступающему врагу русская артиллерия открыла беспощадный огонь. Снаряды ложились в самую гущу немецких войск. С обоих флангов их сдавливали подходившие русские части. Взять Осовец в три дня, как рассчитывало германское командование, не удалось.

Осовец с честью выполнил свое назначение. Вместе с войсками, оборонявшими Неман, он задержал дальнейшее наступление германских войск на юговосток, угрожавшее сообщениям русских войск и их правому флангу.

Капитан Б. КАЦ.

Поймали немца. Снимок времен первой империалистической войны.

ДЕД И ВНУК

Виктор Авдеев

Село было разбужено винтовочными выстрелами германских солдат.

Первой увидала фашистов тетка Явдоха. Опоясанная пеньковым бичом, она играла в рожок, поджидая стадо. Тут же, на площади, перед сельбудынком, паслась ее комолая корова и лежали две серые, краснозевые овчарки. (После того как муж тетки Явдохи ушел на войну, она стала пасти за него стадо.) Среди вишневых садиков, беленых хат и дальше, в пшенице, Явдоха неожиданно заметила серо-голубые цепи. Она не успела опомниться, как к ней подбежало трое немцев в касках. Один спросил на ломаном русском языке:

— Это что будет? Пастух? Заворачивайте корову нах хауз. И вперед без разрешения не выгонять за границу вашего села. Животный здесь нужен.

Солдат взмахнул автоматом, заворачивая корову, как вдруг на него с глухим воем бросились овчарки. Одна впилась фашисту в ногу, другая прыгнула на грудь, пытаясь схватить его за горло. Солдат пошатнулся, закричал. Двое остальных германцев пустили в ход штыки, а низенький, с глазами, похожими на плошки, с светлыми усами, заодно пристрелил и комолую корову, словно боясь, что и она может напасть на фашистскую армию.

Выбежавшие из хат люди увидели, как рослый германский солдат, в порванных на коленках штанах, ударил прикладом в лицо тетку Явдоху. От второго удара лицо Явдохи залилось кровью, и она повалилась на дорогу.

— Большевичка!—гортанно кричал солдат.—Сопротивляться, паршивый швайн!

А через село, не останавливаясь, уже громыхало четыре танка, двигалась колонна германской пехоты.

Офицер с длинным острым подбородком и маленьким бледным ртом что-то скомандовал роте. Солдаты рассыпались по проулкам и стали сгонять народ на площадь. На кронштейне крыши сельрады красный флаг уже заменили германским с черным одноглавым орлом и паучьей свастикой. Подталкиваемые в спину прикладами, угрюмо собирались селяне. Все это были старики в соломенных шляпах, с палками в загорелых руках, девчата в наскоро надетых спидницах и босоногие детишки.

— Почему мало народа? Где мужчины?

Вперед выступил дед Гарбуз—плечистый, белоусый, в холщевых штанах, вобранных в сапоги. Не поклонившись, он хмуро ответил:

— Тут собрались все селяне. Молодежь ушла на войну, а кто остался—женщины,—убирают на поле хлеб. Все добрые люди 'сейчас работают.

Офицер подумал и заговорил, старательно отчеканивая слова:

— Крестьяне. Власть большевиков будет свергнута через три дня. Коленопреклоненный народ с радостью увидит тогда своего нового монарха. Крестьяне. Германская нация, предназначенная самим богом для обновления всего человечества, непобедима. Предупреждаю: кто из вас окажет ей сопротивление, будет стерт с лица земли. Вы меня поняли?

Селяне молчали. Щеки офицера налились кровью, и он резко махнул рукой в перчатке. Солдаты начали разгонять народ.

Дед Гарбуз пошел к своей хате, из-за плетня которой выглядывали желтоголовые подсолнухи. Гарбуза знал весь район. Когда фашисты вторглись на советскую землю, он пришел в военкомат и попросился в добровольцы. «А сколько тебе лет, отец?»—улыбаясь спросил его начальник. «Только дерево смотрят по годовым кольцам,—отвечал дед Гарбуз.—Мне 63, но я молодым не уступлю. Глядите,—развернув тряпицу, он показал три георгиевских креста:—Мне их генерал Брусилов дал».

Один из допризывников, повертев в руке кресты, засмеялся: «Это ж старинные». Дед строго глянул на него: «Простому народу царь ничего задаром не давал...» Начальник похвалил деда, но в добровольцы не записал, сказав, что красноармейцев и без него хватает. Зато назначил старшим дружинником по селу. И теперь Гарбуз, придя во двор, нашел внука Мыколку — девятилетнего хлопчика, востроглазого, с облупленным носом и крепкими босыми ногами, до того загорелыми, что они издали походили на сандалии. Оглянувшись, не смотрят ли на них откуда-либо из-за плетня фашистские солдаты, дед прошел с внуком за клуню, откуда начинался огород, обсаженный кукурузой:

— Умеешь, Мыколка, бигаты?

— А то ж?—удивился хлопчик.

— Знаешь, где працюють наши люди? Так вот бижи до них и передай, что село заняли немцы. Нехай тикають в Старую Криницу, где стоит Красная Армия, и зовут ее на выручку. Запомнил?

Мыколка кивнул головой.

— Гляди ж, немцам в руки не попадись. Сперва беги камышами по над речкой, а как выйдешь в поле, увидишь жеребую кобылу. Ее только вчера в декрет пустили. Распутывай и скачи—ничего ей не станется. Справишься?

Еще раз кивнув головой, Мыколка подсучил штаны и скрылся в кукурузе. Дед Гарбуз долго еще смотрел, как покачивались султаны початок и острые саблевидные листья. Вот белая рубашонка внука мелькнула на берегу чистой, светлой речки и скрылась на тропинке, ведущей в камыши. Потом донеслись отдаленное ржание лошади и глухой топот.

Возвращаясь из-за клуни, дед увидел, как в поле вышел взвод пехоты. Фашисты, видимо, направлялись захватить рабочих.

— Опоздали,—пробормотал Гарбуз, и губы его под нависшими прокуренными усами съежились в улыбку.

А на селе уже все переменилось.

Солдаты выгоняли из дворов мычащую скотину, свиней. Над улицами висело кудахтанье кур, кряканье уток, летал пух. Тополя, хаты, плетни— все тонуло в пыли: германцы сгоняли на площадь отары овец. «Это есть необходимо для германской армии»,—пояснял фашистский ефрейтор, сидевший около сельрады за столом с чернильницей: он производил «расчет» с крестьянами. Не скрывая усмешки, ефрейтор говорил: «Вы нам скот, а мы вам зато деньга». Селяне с недоумением вертели в руках полученные от него разноцветные марки. Многие тут же бросали их на землю. Старухи, девушки—все в слезах, с проклятиями кидались на солдат, пытаясь отбить своих коров. Солдаты отталкивали женщин прикладами.

— Даже при махновских погромах не было такого,—пробормотал дед Гарбуз, пробираясь с топором за клуню, в речные камыши.

У председателя сельрады фашисты сделали обыск. В хате оставались только больная мать председателя и шестнадцатилетняя дочка. Скоро из окна понеслись вопли девушки. Внезапно они смолкли, словно кто-то зажал ей рот. А спустя минут пятнадцать из хаты, гадко хихикая и застегивая мундиры, вышли два красноморднх фашиста. Почти тотчас раздалось несколько выстрелов, и на крыльце показался третий фа-

(Окончание на стр. 12).

...Всюду солдат подстерегали селяне: женщины и старики, вооруженные вилами, топорами, косами.

Рисунок Б. Маркичева.

Военные лубки Маяковского

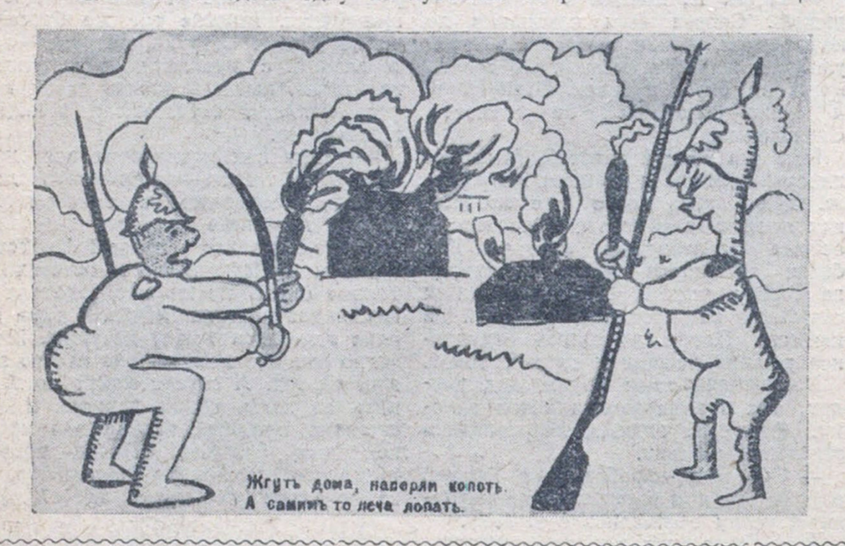
Публикуемые нами неизвестные рисунки и стихи Маяковского относятся к 1914 году.

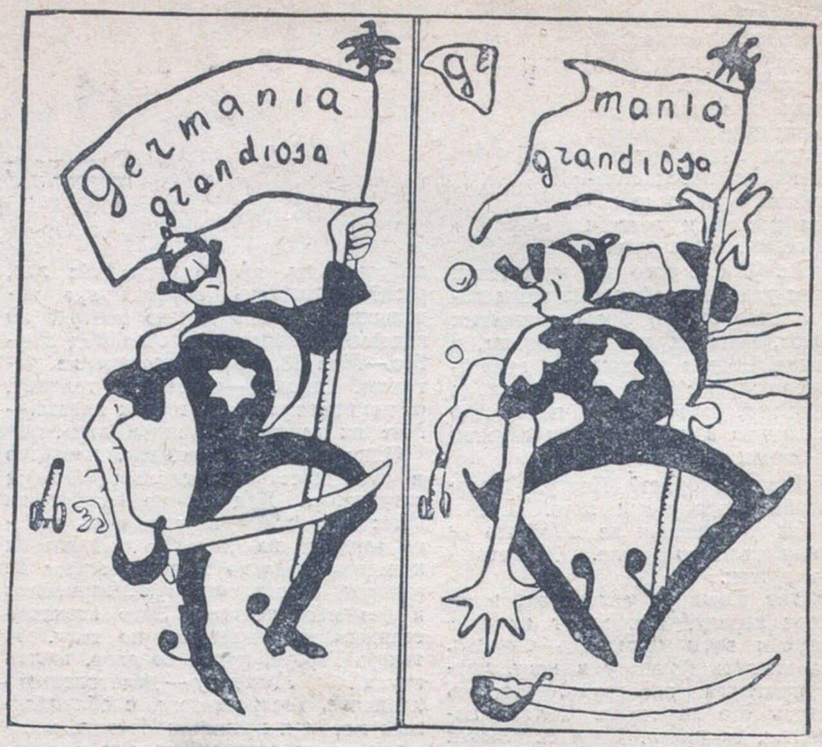
В начале войны Владимир Маяковский пошел записываться добровольцем, но царская полиция не разрешила ему поехать на фронт, не дала так называемого «свидетельства о благонадежности».

Маяковский вернулся к своей второй профессии — художника — и как поэт и художник в первые месяцы войны работал над военными народными лубками. Главное в этих лубках — народная ненависть к империалистам.

Газеты и журналы того времени писали об этих лубках как о безыменном народном творчестве, но теперь установлено, что автором многих подписей и ряда рисунков является Маяковский.

Мы печатаем здесь одну из лубочных открыток с текстом и рисунком Маяковского и две карикатуры Маяковского из альманаха «Война» (сентябрь 1914 года).

Знамя Вильгельма II, с которым он выступил на войну, — «Грандиозная Германия» — превратилось после ряда военных поражений германского империализма попросту в «Mania grandiosa» (болезнь, известная в медицине под именем «мания величия»).

В. КАТАНЯН

ДЕД И ВНУК

(Перенос со стр. 11).

шист, в руке у него дымился револьвер. Он остановился, прикурил папиросу и сунул горящую спичку в солому крыши. Когда над хатой заклубился дым и селяне прибежали с ведрами, солдаты не допустили их.

Один из фашистов вместе с другими немецкими солдатами поил обозных лошадей на речке. На обратном пути он отстал, присев у берега, чтобы обуть сапоги. Больше солдат уже не поднялся. Сзади из камышей вылез дед Гарбуз и, оглянувшись по сторонам, изо всей силы ударил его топором по голове.

— Восемнадцатый на моем веку,— пробормотал дед, оттаскивая труп в камыши и подбирая германскую винтовку и гранаты.

На другом конце села одна из женщин столкнула в колодец немца, набиравшего воду.

Солнце уже стало подбираться к полудню, и в синем небе заливались невидимые жаворонки, когда из поля вернулся взвод злых и уставших немцев, ходивших захватывать рабочих. Офицер, выслушав их сообщение о том, что они нашли на поле только одни косилки со снятыми частями, отдал приказ вновь согнать народ. Селян пришло еще меньше: девушки, старики и даже дети бежали в камыши, захватив самое ценное из того, что можно было унести.

— Население вашего села решило сопротивляться германской армии,— резко сказал офицер.—Славяне всегда были низшей расой, а русское мужичье—самым тупым племенем. В вашей стране один отвечает за всех и все за одного? Так вот за то, что ваши мужчины и женщины сбежали с поля, отвечайте своей кровью вы. За каждого германского солдата, убитого вами, мною будет расстреляно по сто жителей. Вы поняли?

Тут же на глазах оцепенелой толпы были расстреляны пастушка Явдоха, «как оказавшая сопротивление германской армии», и с нею девятнадцать селян, старшему из которых перевалило за 70. Стариков заставили копать им могилы.

И почти тотчас, словно эхо, вдали, в стороне Старой Криницы, загремели орудийные выстрелы. Немцы засуетились, стали строиться. Выглядывавшие из окошек селяне видели, как рота выступила в сторону боя. А час спустя оттуда показались первые цепи беспорядочно отступавших «завоевателей». Их каски мелькали во ржи. Некоторые солдаты еще пытались отстреливаться, но большинство полагалось только на быстроту своих ног. Следом за ними, не разбирая дороги, грохотал германский танк: остальных трех не было видно. Внезапно в небе зажужжал мотор. Серебристый самолет с красными звездами на крыльях стремительно пошел в пике. Уже после второй бомбы танк перевернулся на бок и заглох навсегда. А в это время из голубого марева на горизонте выкатывался советский танк, прошивавший пулеметными очередями бегущих фашистов. Солдаты залезали в клуни, пытались спрятаться в стога сена, в погреба, но всюду их сторожили селяне: женщины и старики, вооруженные вилами, топорами, косами. Открыто и бесстрашно бросались они на гитлеровских вояк, били их, кололи. Отовсюду: из-за речных камышей, из-за углов хат—вспыхивали выстрелы охотничьих ружей. Дед Гарбуз, сидя за тыном, неторопливо, без промаха бил из отобранной германской винтовки, приговаривая:

— Оце уже двадцать первый на моем веку.

Охваченным паникой фашистским солдатам казалось, что они окружены со всех сторон. Подымая вверх руки, они сдавались целыми группами.

Солнце перевалило за полдень, когда село было совершенно очищено от германцев. Над сельрадой вновь победно развевался родной красный флаг, горевшие хаты были потушены, женщины разгоняли по дворам отнятый было у них скот. Осененные тополями улицы были запружены красноармейцами. Народ со слезами радости обнимал бойцов.

В толпе косарей, вернувшихся с войсками, дед Гарбуз увидал Мыколку. На голове хлопчика болталась немецкая каска, в руке он держал две пустые гильзы из-под патронов. Увидев деда, он счастливо улыбнулся и резво подбежал к нему:

— Все сказал косарям, что вы наказывали. И вот чего навоевал!

Дед улыбнулся.

— Молодец! Весь в деда,—Гарбуз расправил усы и, повернувшись, погрозил кулаком в сторону бежавшего врага.—Не на тех напали. Как говорил наш товарищ Сталин? Не суйся своим свиным рылом в советский огород.

Вдали, удаляясь, затихал гул боя: красноармейские части преследовали германцев.

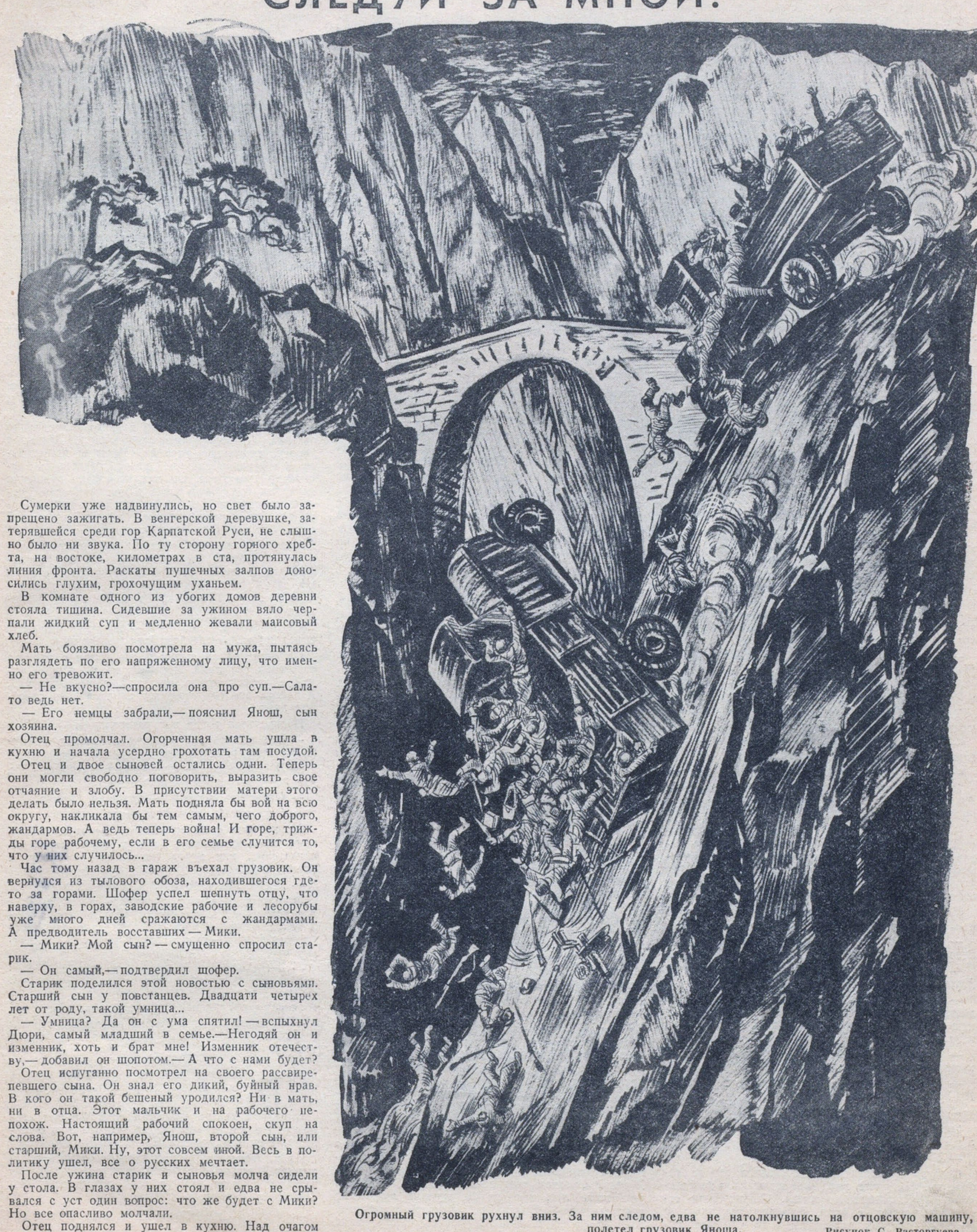
Герой Советского Союза В. И. Шевченко сражался на различных фронтах с врагами нашей родины. Он совершил более 130 боевых вылетов. Тов. Шевченко находится в первых рядах бойцов против германского фашизма. Только за один день храбрый летчик с небольшой группой машин сбил 22 вражеских самолета. На снимке: В. И. Шевченко.

С первых же дней великой отечественной войны летчики, штурманы и радисты части Героя Советского Союза тов. Осипенко показали умение побеждать и разить врага без промаха. В журнале боевых действий части Осипенко уже числятся десятки уничтоженных германских самолетов. На снимке: А. С. Осипенко.

Шандор Гергель

СЛЕДУЙ ЗА МНОЙ!

Огромный грузовик рухнул вниз. За ним следом, едва не натолкнувшись на отцовскую машину, полетел грузовик Яноша. Рисунок С. Расторгуева.

Сумерки уже надвинулись, но свет было запрещено зажигать. В венгерской деревушке, затерявшейся среди гор Карпатской Руси, не слышно было ни звука. По ту сторону горного хребта, на востоке, километрах в ста, протянулась линия фронта. Раскаты пушечных залпов доносились глухим, грохочущим уханьем.

В комнате одного из убогих домов деревни стояла тишина. Сидевшие за ужином вяло черпали жидкий суп и медленно жевали маисовый хлеб.

Мать боязливо посмотрела на мужа, пытаясь разглядеть по его напряженному лицу, что именно его тревожит.

— Не вкусно?—спросила она про суп.—Салато ведь нет.

— Его немцы забрали,— пояснил Янош, сын хозяина.

Отец промолчал. Огорченная мать ушла в кухню и начала усердно грохотать там посудой.

Отец и двое сыновей остались одни. Теперь они могли свободно поговорить, выразить свое отчаяние и злобу. В присутствии матери этого делать было нельзя. Мать подняла бы вой на всю округу, накликала бы тем самым, чего доброго, жандармов. А ведь теперь война! И горе, трижды горе рабочему, если в его семье случится то, что у них случилось...

Час тому назад в гараж въехал грузовик. Он вернулся из тылового обоза, находившегося где-то за горами. Шофер успел шепнуть отцу, что наверху, в горах, заводские рабочие и лесорубы уже много дней сражаются с жандармами. А предводитель восставших — Мики.

— Мики? Мой сын? — смущенно спросил старик.

— Он самый,— подтвердил шофер.

Старик поделился этой новостью с сыновьями. Старший сын у повстанцев. Двадцати четырех лет от роду, такой умница...

— Умница? Да он с ума спятил! — вспыхнул Дюри, самый младший в семье.—Негодяй он и изменник, хоть и брат мне! Изменник отечеству,— добавил он шопотом.— А что с нами будет?

Отец испуганно посмотрел на своего рассвирепевшего сына. Он знал его дикий, буйный нрав. В кого он такой бешеный уродился? Ни в мать, ни в отца. Этот мальчик и на рабочего непохож. Настоящий рабочий спокоен, скуп на слова. Вот, например, Янош, второй сын, или старший, Мики. Ну, этот совсем иной. Весь в политику ушел, все о русских мечтает.

После ужина старик и сыновья молча сидели у стола. В глазах у них стоял и едва не срывался с уст один вопрос: что же будет с Мики? Но все опасливо молчали.

Отец поднялся и ушел в кухню. Над очагом

висел объемистый горшок. В нем грели воду: раз в неделю вся семья мылась горячей водой.

Неожиданно послышался тяжелый топот. Старик испуганно прислушался. Дверь в соседнюю комнату распахнулась настежь. Когда старик вбежал туда, у стола уже стоял немецкий лейтенант, а рядом с ним венгерский офицер — комендант гаража. У дверей два немецких солдата в стальных касках. Сыновья стояли в углу.

Старик поклонился коменданту, затем немецкому офицеру.

Комендант доложил, что вот эти трое — лучшие шоферы гаража. Дорогу к лесопильному заводу они как свои пять пальцев знают. С завязанными глазами машину туда проведут.

Лейтенант, рослый, стройный блондин лет двадцати с небольшим, спросил на ломаном венгерском языке:

— Знаешь дорогу к лесопилке?

Старик покраснел. Наверное, этому надменному чужеземцу всего двадцать пятый год пошел, а он ворвался в комнату, не поздоровавшись, и «тыкает» ему, старику, который уже четвертый десяток здесь тянет лямку и на первой войне побывал...

— Почему не отвечаешь? — заревел офицер.— Дорогу знаешь?

— Знаю,—ответил хрипловатым голосом старик и провел дрожащей ладонью по лбу и седым усам.

— Руки по швам,— заорал офицер,— когда со мной говоришь!

Старик растерялся. Он посмотрел на раскрпчавшегося офицера и кротко заметил:

— Двадцать пять лет назад, когда меня уже успели второй раз ранить на фронте, вы...— он хотел сказать: «вас еще на свете не было»,— но закончить фразу ему не пришлось: офицер схватил его одной рукой за шиворот, а другой ударил по лицу.

Старик рухнул на землю. Сыновья подбежали, чтобы поднять отца. Смертельно бледная мать стояла в дверях. Солдаты взяли ружья наизготовку. Комендант растерянно смотрел на лейтенанта, который смеялся, высоко закинув подбородок.

— Если ваши прежние хозяева не сумели научить вас дисциплине и порядку, то мы вас приучим держать язык за зубами, когда разговариваете с начальством!

Офицер закурил папиросу и повернулся к молодым людям:

— Отправление через час. Едем к лесопильному заводу. Вы оба с нами. Повезете тяжелый груз.

— Какой? — спросил Дюри, младший сын старика.

Лейтенант даже не обернулся в его сторону и стал постукивать хлыстом.

Комендант подобострастно обратился по-немецки к лейтенанту:

— Шофер спрашивает о грузе потому, что от этого будет зависеть скорость машины.

— Узнает в свое время! — отрезал лейтенант.

Затем, видимо, передумав, он направился к братьям и, упираясь в бок рукой, на которой висел хлыст, сказал:

— В грузовиках поедут солдаты на лесопильный завод... усмирять бунтовщиков! Ровно через час выедем. И если что-нибудь...—он выразительно потрогал кобуру, и его светлоголубые глаза зловеще сверкнули, затем он повернулся и вместе со свитой вышел из комнаты.

Мать заплакала. Дети встали рядом со стариком.

— Не повезу я их,— пробормотал Янош,— не повезу!

— Тогда нас расстреляют,— глухо заметил Дюри.

— Пусть стреляют! Лучше в меня, чем...— он хотел назвать имя Мики, но взглянул на кухонную дверь, в которой стояла плачущая мать, и замолчал.

— Нас расстреляют,— снова сказал младший,— и кроме того приказ есть приказ.

— На лесопилку? — хрипло повторял Янош.— Нет! Туда не повезу.

— Поедем! — сказал старик.

Сыновья взглянули на него. Янош был удивлен, Дюри испытывал облегчение.

— Умойтесь! — приказал отец.

Старуха принесла таз и поставила его на табуретку. На очаге вода уже закипала. Оба мальчика разоблачились до пояса. Старик снял огромный горшок с огня. Его усталые глаза с глубокой скорбью остановились на младшем сыне. Старик теперь плохо видел. Может быть, виною этому были густые клубы пара... С трудом переставляя ноги, старик двинулся со своей тяжелой ношей. Неожиданно он опрокинул горшок и обварил кипятком локоть и грудь младшего сына.

— Споткнулся... вот споткнулся,— пробормотал смущенно старик,— сейчас сделаю тебе перевязку.

Он поставил горшок на землю, тотчас принес вату, бинт, вазелин. Локоть сына успел стать багровым, поверхность его напоминала теперь сырое мясо.

— Не одолеть тебе такую тяжелую дорогу,— тихо произнес старик,— я сам поеду вместо тебя.

— Ты? — изумился Дюри; обваренная рука ныла нестерпимо. — Ты тоже не одолеешь такую тяжелую дорогу!

— Я-то? Желторотый ты еще! — деланно пошутил старик.

Он торопливо скинул с себя куртку, стянул рубашку, налил холодной воды в таз, добавил кипятку и стал намыливать тело. Умывался он старательно и усердно, словно готовился идти на пирушку. Янош тем временем уже успел побриться. Старик тоже начал брить свое морщинистое лицо.

— Отправляемся!—сказал Янош, уже готовый в дорогу.— Едем к лесопилке!

— Да. Туда...— скупо обронил старик.

Они долго и внимательно рассматривали друг друга.

— Если не поедем,—расстрел!—пробормотал Янош.

— Да. Итак...— сказал старик, и все его лицо, глаза и рот искривились в болезненной улыбке.

— Понимаю,— неуверенно произнес Янош.

— Следуй только за мной,— сказал старик,— там крутой поворот к реке и мост... там будь особенно внимателен. Следуй за мной.

Янош собирался что-то возразить старику, но тут дверь снова рванули, и на пороге появился лейтенант. Старик вытянулся по-военному и доложил, что сын случайно повредил себе руку, а потому он, отец, его заменит. Лейтенант самодовольно рассмеялся, хлопнул себя хлыстом по голенищу и тронул старика за плечо:

— Что, помогло?

— Точно так,— ответил старик.

Он подошел к жене, обнял ее и поцеловал. Непривычная прощальная ласка напугала ее. Старуха заплакала и с ужасом посмотрела на мужа.

Старик подошел к сыну и погладил его по голове:

— Все в порядке, мой мальчик. Следи за матерью,—и тихо добавил:—Прости, что причинил тебе такую боль.

Уже стемнело, но на небе не было ни одной звезды. Во дворе гаража стояли два огромных грузовика, переполненных немецкими солдатами в касках. В кабину задней машины забрался Янош. Рядом с ним уселся немецкий унтер-офицер.

— Сынок,— сказал старик, и его голос задрожал,— следуй за мной!

Он протянул руку к сыну, который успел уже усесться за руль, и потрепал его по плечу. Унтер-офицер достал из кобуры револьвер.

Старик направился к передней машине. В ее кузове молча стояли солдаты, тесно сгрудившись. Дула их винтовок грозно смотрели в небо. Солдат было человек пятьдесят. В другом грузовике сидело не меньше. На каждой машине стояло по пулемету. Старик забрался в кабину. Там уже сидел лейтенант. Он тоже держал в руке револьвер.

Гараж находился на окраине города. Машины медленно выбрались на шоссе и там двинулись быстрым ходом.

Дорога постепенно становилась все круче. Время от времени машинам приходилось круто поворачивать. Старик крепко сжимал руль, почти ложился грудью на него. Лейтенант довольно покачивал головой.

Достигнув леса, старик убавил скорость. Дорога становилась все уже. Она шла над краем обрыва. Мотор пыхтел, и его грохот отдавал многократным эхо в лесу. За этим шумом старик забыл про сопровождавшего его офицера, про солдат. Перед ним проносились картины прошлого, воспоминания о минувших счастливых днях. Женитьба, затем рождение первенца, служба... уже пять лет, как он фактически руководит всем гаражом! Комендант? Старый пройдоха! Как он робко и подобострастно жался, когда этот немецкий хлыщ ударил меня по лицу! Ни слова не проронил от страха. В его собственной стране, на его же родине, офицер чужой армии раздает зуботычины... Дело ясное: все они дикие звери и служат одному хозяину. А рабочий должен сносить оплеухи. Поэтому его и потчуют затрещинами.

— Мики... ты был прав! Ты был всегда прав,— пробормотал старик и взглянул искоса на лейтенанта.

Старик прислушался к шуму задней машины и обернулся. Вплотную за ним несся второй грузовик.

Приближался перевал. Дорога вилась кольцами, поднимаясь на шестьсот метров вверх. Затем предстояло переехать мост через горную реку, а после этого начинался спуск вниз. До моста оставалось минут тридцать езды. Если только мост еще был на месте... А может быть, его уже давно взорвали? «Эх, если бы догадался Мики...»

Тяжелая машина шла плавно и легко поворачивалась в умелых руках старика.

— Господин лейтенант,—обратился он тихо, почти шопотом к офицеру,— а может быть, мост там, наверху, взорван?

— Взорван? Кем? — испуганно вздрогнул офицер и задышал тяжело.

— Мост... эти бунтовщики...— пояснил уверенно старик.

Офицер вскочил, посмотрел вперед и хлопнул старика по плечу.

— Оплеуха впрок пошла! — покровительственно пошутил офицер.

Он приказал остановить машину в полукилометре от моста. И решил послать разведку, чтоб проверить местность.

Холодный вечерний ветер хлестал потное лицо старика. Судорожно-напряженно он разглядывал дорогу, лежавшую впереди. Машины приближались к бурливой, шумной реке. Осталось еще несколько поворотов. Он дал несколько гудков и замедлил ход. Янош тоже убавил скорость. Грузовики остановились. Лейтенант выскочил на дорогу и отдал распоряжение. Послышался четкий стук удалявшихся солдатских шагов.

Старик тоже выбрался из грузовика и стал у своей кабины. Он зябко потягивался, прислушиваясь к шагам торопливо уходивших солдат. Но звуки уже едва доносились. Старик подошел к сыну. Тотчас перед ними вырос лейтенант.

«Подозревает, собака!» — старик мысленно сыпал дикими, замысловатыми проклятиями.

Он стоял перед сыном и еле видел в темноте очертания его лица. Хороший он и славный малый. Из всех троих, пожалуй, самый ласковый. А теперь вот сопровождает отца на этом скорбном пути.

Послышался топот ног разведчиков.

— Все в порядке! — заявил лейтенант, выслушав рапорт разведчиков.

— В порядке? — переспросил старик.— Ну, что ж,— рассмеялся он протяжно.

— Отправить машину! — приказал офицер.

— Слушаюсь!— спокойно ответил старик.

Он постоял одно мгновенье, щелкнул каблуками, поклонился сыну, словно стоял перед начальством... или перед покойником в гробу, и сказал тихо:

— Янош! Мальчик мой! Следуй за мной!

Грузовики медленно тронулись с места. Еще два поворота... затем стометровое прямое шоссе, в конце которого мост. Старик вздохнул. Дорога расширилась—теперь перед ним лежало прямое шоссе.

— Мики,— произнес старик на этот раз громко,— Мики, ты забыл про мост...—старик нагнулся к баранке руля и, словно напрягая все свои силы, пустил машину с огромной скоростью.

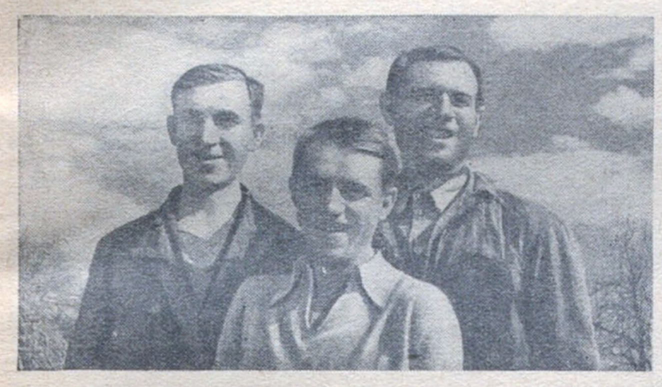
— За мной, следуй только за мной!— заревел старик во весь голос, словно бы эти слова или утвердительный ответ сына могли донестись сквозь грохот и шум мчавшихся машин.— Мики, Микушенька!— крикнул он и как раз над мостом, перекинутым над зияющей пропастью, рванул машину в сторону.

Огромный грузовик рухнул вниз. За ним следом, едва не натолкнувшись на отцовскую машину, полетел грузовик Яноша.

Из глубины пропасти донесся страшный предсмертный вопль сотни человеческих глоток. Он разнесся гулким эхо по всей окрестности. Затем сразу наступила тишина.

Перевод с немецкого Б. ЧЕРНЯКА

Все для фронта!
Все для победы!

В колхозе «Новый шлях» (Киевская область) организована группа содействия истребительным батальонам по борьбе с фашистскими диверсантами. На снимке: члены группы содействия (слева направо) И. Сировой, П. Школьный и М. Нижник.

Фото Я. Ланцмана (ТАСС).

Сталевары мартеновского цеха металлургического завода «Серп и молот» (Москва) записываются в народное ополчение.

Фото Б. Кудоярова.

Бригада московских художников изготовляет окна ТАСС.

Фото Ю. Говорова.

Бригада бутчиков шахты имени Папанинцев (Сталинская область) ежедневно выполняет норму на 180—200 процентов. На снимке: бригадир Е. Расковский.

Москва. Домашние хозяйки сдают металлический лом для нужд обороны.

Фото Е. Микулиной.

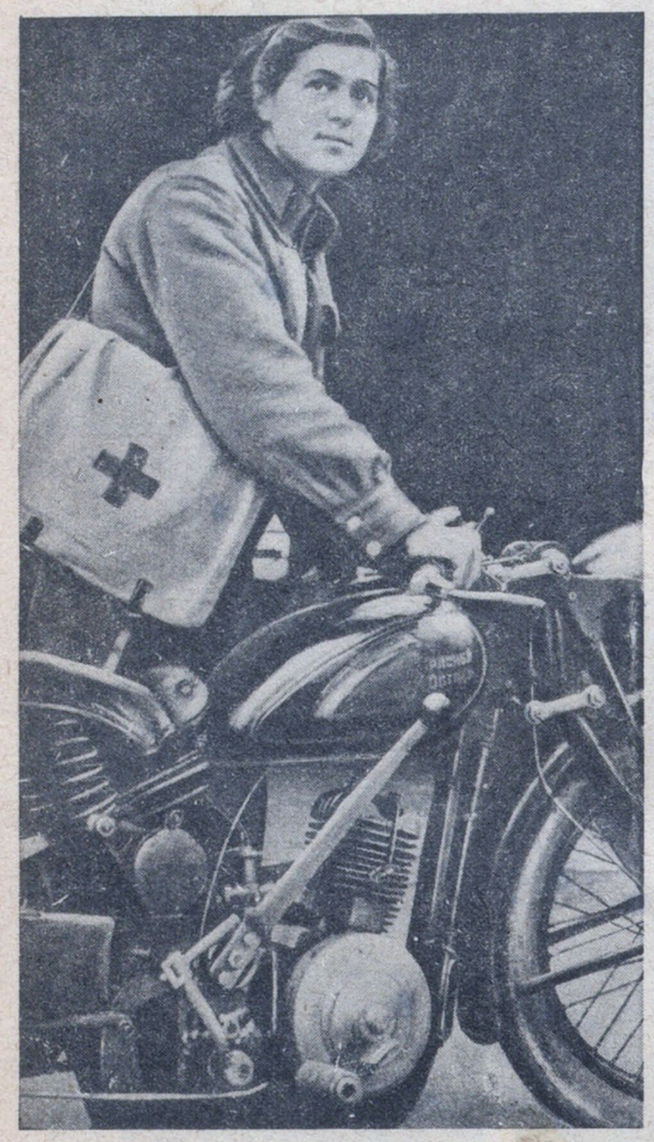

Агитпункт Казанского вокзала. Концерт для бойцов, отправляющихся на фронт.

Фото Б. Кудоярова.

Цена 35 коп.

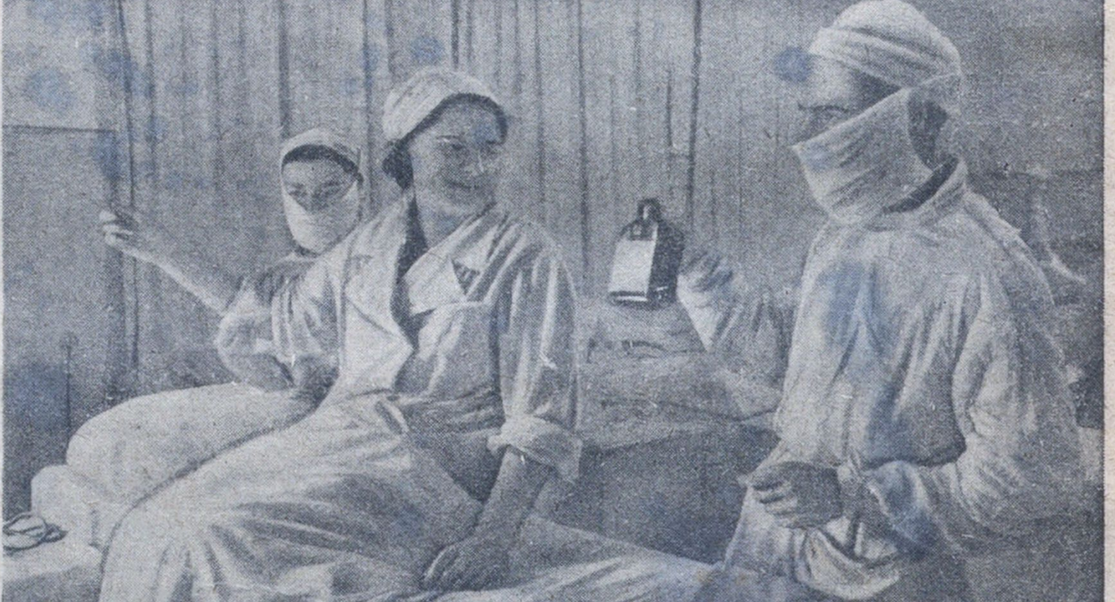
СОВЕТСКИЕ ПАТРИОТКИ

Медсестра запаса связист пункта МПВО Красногвардейского района комсомолка Н. Голендерова.
Фото Н. Кубеева. (ТАСС).

Мастерицы ателье № 27 (Москва) шьют белье для бойцов.
Фото Е. Микулиной.

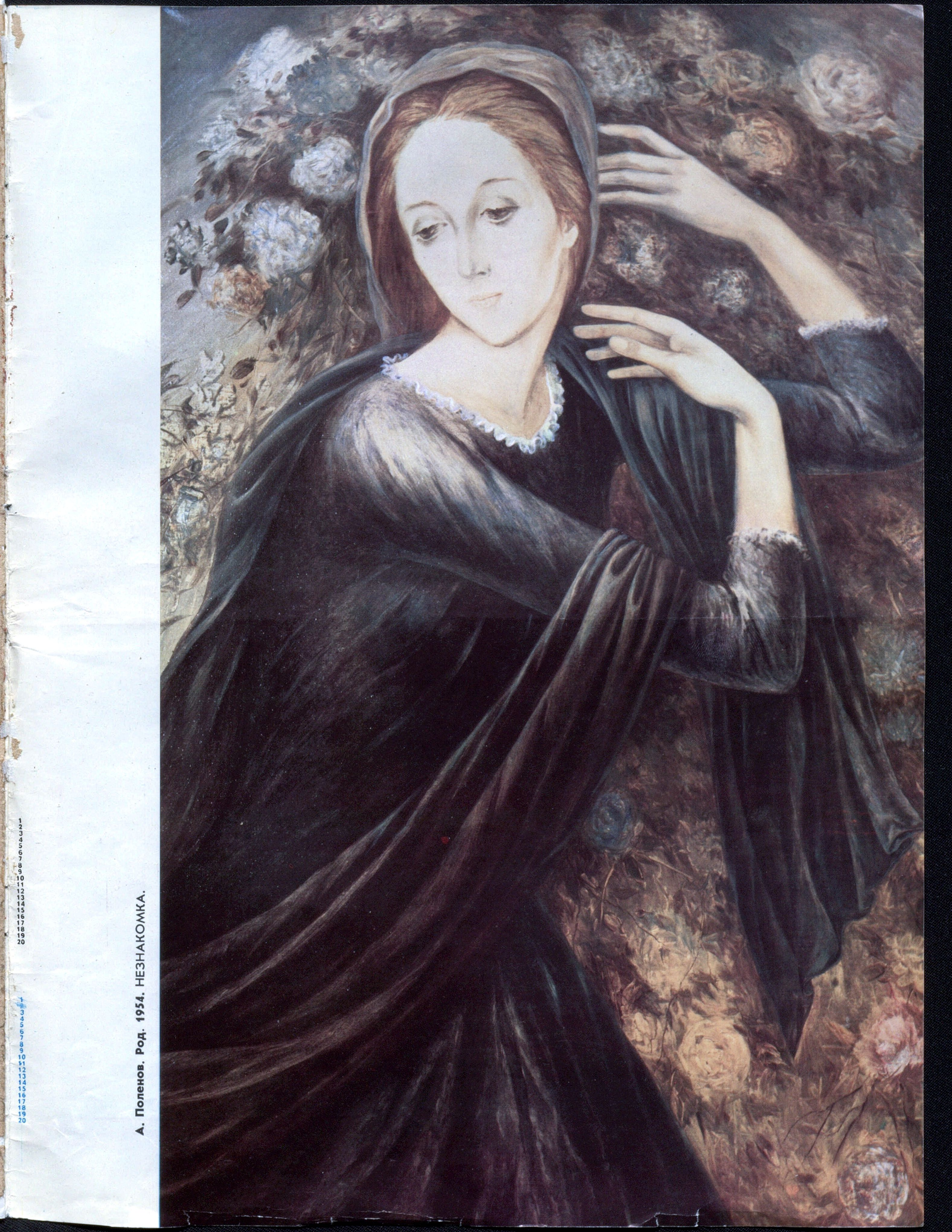
В Институт переливания крови поступают тысячи заявлений от советских патриоток, желающих отдать свою кровь для раненых. На снимке: бухгалтер завода № 39 имени Менжинского в Москве М. Владимирова, только что давшая свою кровь.
Фото Е. Микулиной.

Работницы предприятий Ленинградского района Москвы подают заявления о зачислении их в санитарные дружины.
Фото Б. Кудоярова.

Санитарная дружина комсомолок Ленинградского района Москвы.
Фото Б. Кудоярова.

Ответственный редактор ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».
Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24. Тел. Д-3-31-69. Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.
А 40833. 2 п. л. 3н. в п. л. 105 000. Подписано к печати 14/VII—41 г. Изд. № 749. Зак. 2233. Тираж 250 000 экз.
Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

А. Поленов. Род. 1954. НЕЗНАКОМКА.

В. Лукьянец. Род. 1938. СТАРАЯ МЕЛЬНИЦА.